

«Пузатого понесли!» – со знанием дела говорит мудрая бабушка, встает и, держась за свой радикулит, идет к окну. Сквозь кружевную занавеску мне почти ничего не видно. Вижу только медленно проплывающую мимо нашего дома толпу людей.

Однажды мне в руки попала брошюра «Рабыня Изаура» 1992 года издания. Я, разумеется, первым делом подумала, что «роман» этот был написан на основе знаменитой мыльной оперы, а значит, заслуживает презрения. Как же я удивилась, прочтя в аннотации, что, оказывается, «Рабыня Изаура» – это произведение классика бразильской литературы Бернардо Гимараенса. Опубликовано в 1875 году, еще до отмены рабства, оно стало настоящей сенсацией в Бразилии – никто до Гимараенса не дерзнул написать правду об ужасном положении рабов. Вроде как роман этот стоит в одном ряду с «Хижинной дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. А знаменитое «унга зунга унгэ», транслируемое с телеэкранов в начале девяностых, имеет такое же отношение к литературному первоисточнику, как сегодняшняя Анастасия Волочкова – к классическому балету. Ну, коль так – надо прочесть. Я открыла брошюру и... обомлела.

«Могучие быки, лоснящиеся упитанные тельцы возлежали на траве, которой они только что накушались и нащипались, осуществляя сейчас торжественный животный процесс пережевывания злаков под сенью высокоствольных деревьев» – так начинался текст. «Какой кудрявый слог!» – подумала я. И, закрыв глаза на то, что травой, в общем-то, нельзя «нащипаться», решила, что, видимо, это особенности традиционной для Бразилии XIX века манеры «слезы сердца».

«Это платье, как голубое облако вокруг ее ног, талия струится из этого облака, как Венера Ми-

лосская или какая другая Венера, рождаемая из морской пены», – говорилось в продолжении. Струющаяся талия, наконец, меня насторожила. Самиздат, что ли, какой? Нет. Издатель – информационное агентство «ЭКС-пресс», Нижний Новгород. Тираж сто тысяч экземпляров. Согласно выходным данным, перевел роман астраханский литератор и полиглот В.Л. Пузатов.

«А сензала ведь остается сензалой!» – кричали страницы. Что еще за сензала? Полезла в словарь. Нет такого слова в русском языке. Португальско-русский словарь сообщил, что *senzala* – это жилище негров-рабов. Ладно, буду знать. Но дальше – больше.

«Мизерабельность бесправия не прикроешь фиговым листом внешнего декора!» Что за черт? На мгновение усомнившись в рассудке Бернардо Гимараенса, я ринулась искать другой перевод «Рабыни Изауры» и – спасибо переводчику К. Комкову – выдохнула: бразильский классик про животный процесс пережевывания и струящихся Венер – не писал. А пассаж про сензалу и мизерабельность бесправия означает следующее: «Из-за этого лачуга не перестанет быть тем, что она есть на самом деле».

Дальше привожу параллельные переводы (сохраняя авторскую пунктуацию).

В. Пузатов: «Неустанно топтал, попрыгунчик дамский и вертопрах, своими наваксенными штиблетами не только собственную супружескую верность, но и беззащитное сердце жены».

К. Комков: «...ежедневно терзал сердце своей несчастной супруги распутством и безнравственностью».

В. Пузатов: «Медовый месяц, как и резинка на штанах, не тянется до бесконечности».

К. Комков: «...неужели ты думаешь, что медовый месяц длится вечно?»

В. Пузатов: «...мысли Леонсио роились вокруг Изауры как мухи, садясь ей то на лицо, то на шею, то на плечо, то еще куда-нибудь, не стесняясь».

К. Комков: «...воображение его было занято исключительно Изаурой».

В. Пузатов: «...и симпатичный помидор ее лица покрылся спелой краснотой. Из прекрасных очей посыпались молнии под аккомпанемент нежного грома ее голоса».

К. Комков: «...щеки ее стали пунцовыми, глаза метали гневные молнии».

Среди прочих инициатив В. Пузатова – «Как баобаб, поваленный тифуном – более не осмеливался уж он поднимать свои коряжистые руки на предмет своей африканской страсти». Астраханский

переводчик и полиглот делает сноску, сообщая читателю, что тифун – это форма слова «тайфун», характерная для русской прозы XIX века. При чем тут русская проза XIX века – загадка, но ход изысканный.

Далее В. Пузатов снабжает прозаический текст ремарками, преобразуя его в пьесу: «Изаура! Ох! Постой, послушай же, ну не будь такой капризницей, лапочка! (Изаура убегает, он преграждает ей путь)». Следом в «пьесе» появляются элементы поэзии: «Пронзен, пронзен стрелой Амур! Такой... (сбиваясь на рифму), такой... такой богине не должно быть рабыней!»

Тем не менее, при всей энергичности В. Пузатова, с середины романа он начинает выдыхаться. Переводчик пропускает сначала абзацы, затем – целые страницы оригинального текста, но, возможно, чтобы не потерять объем произведения, добавляет свои философские рассуждения. Например, о том, что «судьба проистекает не по “разумным” законам взрослых, а по детским и капризным законам». В сцене, когда сеньору Леонсио приносят выкуп за Изауру, которая принадлежит его умирающему отцу, Леонсио отказывает просителю, объясняя это тем, что вправе распоряжаться имуществом предка только после его смерти. В. Пузатов раздражается речью от автора, которой нет в оригинале: «...Только после его смерти... Смерти... Смерти... Эти последние слова Леонсио передразнило эхо насмешливого и неумолимого рока. Рок, сиречь судьба, любит смеяться над чванливой самовлюбленностью некоторых уж очень самонадеянных и уж очень уверенных в своих правах и правоте смертных. Может, для того лишь и позволяя им немного покичиться этой своей самой лучшей верой и достоинствами этой своей самой драгоценной персоны, чтобы потом с тем большим удовольствием звонко шелкнуть их по носу и оглушающе треснуть по голове толстой и пыльной книгой судеб, в коей им никогда не увидеть и прочесть ни слова и ни полслова. И слава Богу».

И смех и грех. К слову, о грехе. Взяв за руководство эссе Набокова, можно легко приговорить В. Пузатова к средневековым пыткам. Однако любой подсудимый имеет право на речь-сиречь в свое оправдание. Поэтому я решила отыскать В. Пузатова и спросить его напрямую, что это было.

К сожалению, в интернете не нашлось никакой информации об астраханском литераторе и полиглоте, кроме упоминания о том, что он имеет отношение к изданию Библии на разных языках мира (страшно представить, что не тянулось до беско-

нечности, как резинка на штанах, в Священном Писании). Если верить статье общественно-политической газеты «Волга», хранятся труды В.Л. Пузатова в Астраханской областной научной библиотеке, куда я немедленно написала электронное письмо с просьбой поделиться любыми сведениями об Иерониме Стридонском наших дней. Кроме прочего, окончательно помешавшись, я отправила запросы во все крупные СМИ Астрахани, в астраханское Управление культуры и местное отделение Союза писателей. Пока ждала ответов, решила отыскать «конкурента» В. Пузатова – Константина Комкова, который делал перевод с португальского и для озвучки бразильского сериала.

Про В. Пузатова Комков никогда не слышал, но согласился прочесть и прокомментировать его творчество: «Честно говоря, не совсем понимаю, с какого языка он переводил “Рабыню Изауру”. Возьмем хотя бы следующий пример.

Б. Гимараенс: *Alguns bons e generosos instintos, de que o dotara a natureza, haviam-se apagado em seu coração ao roçar de péssimas doutrinas confirmadas por exemplos ainda piores.*

Подстрочник от Google: «Некоторые добрые и щедрые инстинкты, которыми его наделила природа, исчезли в его сердце, когда он впитал в себя плохие учения, подтвержденные еще худшими примерами».

К. Комков: «Те немногие хорошие качества, которыми наделила его природа, погибли, срезанные под корень отвратительными теориями, подкрепленными еще худшей практикой».

В. Пузатов: «Благородные порывы и устремления... медленно и беспощадно душились волосатыми руками грубой и вульгарной окружающей реальности, в грязных когтях черного змия вселенского цинизма и непролазной пошлости уже погибала, испуская последний писк, его теперь уже не бес- смертная, грешная душа».

На вопрос, чем, по его мнению, является перевод В. Пузатова – недобросовестной работой или, может быть, хулиганским арт-перформансом, Комков ответил так: «Конечно, по отдельным фразам судить обо всем арт-перформансе, как вы здорово определили этот жанр, было бы неправильно, но у меня складывается впечатление, что это было продиктовано непреодолимым желанием заработать в те лихие годы, причем не важно как».

Тем временем никто из адресатов не отвечал на мои запросы. В Сети я обнаружила сайт с базой телефонных номеров и адресов жителей Астрахани. Среди них был только один В.Л. Пузатов. Я вбила

его адрес в гугл-карты, и космический спутник показал мне предполагаемый дом астраханского переводчика и полиглота и его окрестности. Особенно впечатлил серый железный гараж с нарисованной пентаграммой и надписью «Лорд». Но ровно в тот момент, когда я подняла трубку, чтобы позвонить автору трэш-версии «Рабыни Изауры», на мою электронную почту пришел ответ из астраханского отделения Союза писателей. Мне сообщили, что В. Пузатов никогда в этом объединении не состоял, уже в 90-е был глубоким инвалидом и еле передвигался. Так что они не в курсе, жив ли этот человек вообще. Это все, до свидания.

Я была в центре Махачкалы, когда там взорвали автомобиль министра Гусаева, и после увиденного спокойно отправилась в горы – брать интервью у другого дагестанского чиновника, на которого к тому моменту было совершено пять покушений. Но узнав об инвалидности В. Пузатова, заточенного в конце девяностых в панельной пятиэтажке с видом на газовые трубы, с единственной возможностью исполнить страстный словесный гопак на костях мученика Бернардо Гимараенса, – я так и не смогла набрать телефонный номер.

Человек – слаб.

3. Отзывы

«Поздравляю, твоя статья стала вирусной!» – сообщает мне в мессенджере приятель (он маркетолог). «В смысле?» – «Двенадцать тысяч просмотров, сотни репостов в соцсетях, куча комментов. Накидать ссылку?» – «Давай».

Сайт Livelib.ru

SonRazuma (врач, кандидат медицинских наук, молекулярный биолог, Мастер Наук и Лицензиат Философии, живописец-акварелист, пианист и кларнетист, литературовед, эссеист, пушкинист, гоголевед): «Ну и напрасно Юлия Лысова не позвонила. Можно было бы очень уважительно построить беседу, задать наводящие вопросы. Очень не понравилось в статье, что качество одного перевода сравнивается с другим переводом, а не с оригиналом. За такое Юлию Лысову следовало бы подвергнуть тем самым пыткам, которые она напророчила переводчику Пузову».

mikvera: «А я не почувствовала в статье глубокой антипатии к астраханскому переводчику. Скорее даже, наоборот. Вот только, и вправду жаль, что Юлия не позвонила. Было бы ужасно интересно узнать, что сейчас думает автор перевода о своем том, далеком творении».

YuliyaSilich: «Поначалу веселилась от души, а после навалилась безысходная тоска. Поистине, от смешного до грустного – один шаг».

SonRazuma: «Да, там наверняка целая драма в одном флаконе – смешное и грустное вместе. Тяжелобольной человек в лихие 90-е искал, чем бы занять свои мозги на закате дней, как отвлечься от печальных мыслей. Предложил свои услуги разным издательствам. Ответила одна захудалая и нищая редакция, что хотят печатать Изауру, но денег за перевод не заплатят. Хочет переводить – пусть переводит, перевод желательно сделать красивше, чтобы дамам за сорок понравилось. Ну вот он и устроил прощальный фейерверк, поиздевался над коммерсантами и дамами, падкими на вычурный стиль. Оторвался от души. Сначала дописывал от автора, чего там нет, потом подустал, начал пропускать куски текста. Чтобы было понятно тем, кто понимает в литературе, первый абзац вставил от себя как подсказку умному читателю. Я его совсем не осуждаю, может, поступил бы так же. А тут его глупые люди пытками страшат».

Сайт Bookmix.ru

Natalka: «А я не согласна с Пузатовым! Я считаю, что тифун – это человек, больной тифом! Надо бы тоже почитать книгу-то... что-то мне сразу детство вспомнилось и как наши все поголовно обзавелись фазендами вместо скучных огородов)))».

Sibirjachka: «Пузатов шикарный хоходатель!»

Kamila2: «В 90-е юмор был просто необходим, жаль, что Пузатов тогда мне не попался».

Эйне: «А еще новеллизации и “вбоквель” клепали на коленках, причем используя периодически куски из других книг, например, ваяя многочисленные продолжения “Унесенных ветром”, использовали даже Ремарка)))».

Facebook

Сообщество «Книжный клуб им. Юрия Лозы»

Elena Freidz: «Вот это и есть настоящий литературный перевод! (хотя и несколько вольный)».

Victoria Lubashenko: «Читала, что был какой-то дореволюционный переводчик “Пиквикского клуба”, у которого был совершенно искрометный перевод, но при этом он не стеснялся кроить и перекраивать исходный текст».

Личные аккаунты

Савицкий Андрей: «Просто переводчик был художник – он так видел».

Яна Ультра: «По-моему, я только что пополнила словарный запас...»

Юлия Старцева: «Заработал бедный старичок, еще и постебался вволю».

Svetlana Sitnikova: «Ну начинал же Эко свой роман “Тщеславлюсь униженностью...” Тут тоже похоже на попытку закосить под витиеватый слог. А получилось самостоятельное произведение искусства :)».

Ольга Лысенко: «Ну так Эко специально наворотил барочных финтифлюшек, сам же над ними погржал, еще и мануал для переводчиков накатал, как эти финтифлюшки сохранить».

Svetlana Sitnikova: «Мне кажется, тут тоже не случайно».

Olga Darfy: «Растащить на мемасики».

Валентин Руденко: «Думаю, это он потом сделал Гоблину перевод “Властелина колец”».

Ольга Лысенко: «А вообще как перформанс – это да, это же чертовски прекрасно».

Егор Степанов: «Сам Набоков в плане переводов тоже такой молодец, что во время чтения только пот утирать».

Roman Kutuzov: «Ему можно, он гений!»

Александр Демидов: «Капец какой-то, а не Пузатов, на кол его!»

Елена Шанаева: «Этот Пузатов просто чертов гений! Минимум на пять лет опередил гугл-переводчик. Это явно был такой триумф, что его взяли потом в международную компанию алиэкспресс переводить».

Анна Волкова-Кущенко: «Перевод Пузатова куда интереснее и живописнее. Комков просто сухарь!»

Елена Шанаева: «Человек с душой работал».

Анна Волкова-Кущенко: «Во-во! Я за Астраханскую рабыню!»

Мария Скворцова: «Зато как живенько!)) Не то что правильно выстроенные сухие описания))».

Елена Шанаева: «У нас уже фан-клуб “помидора ее лица”».

Яна Твардовская: «Это так трэшево, что почти гениально».

Оксана Тарасенко: «Стильно, даа))».

Минна Ямпольская: «Это надо читать. Непременно!)) Оттянулся дедушка, молодец!)))».

Lubov Caplan: «У меня двойственное впечатление. Первая реакция – как и у всех. А потом дочитала до конца... человек (немолодой инвалид) видел газовые трубы из своего окна, а воображение уносило его туда, где фазенды и бычки сочную траву щипают. Правду говорят, что жизнь – героичнее литературы по части сюжетов »».

Минна Ямпольская: «Это с одной стороны. А с другой, никто не должен входить в положение, даже не очень приятное, переводчика – от него ждут совсем другого »».

Екатерина Федорчук: «Как я рыдала, когда То-биаса убили! До сих пор больно вспоминать!».

Галина Илларионова: «А мне весело было читать Пузатова, казалось, что слова рождены не в нашей равнинной умеренной полосе, а где-то за морями, где солнце, ярко, резко, эклектика и что-то невозможное, неправильное. Конечно, нелепо оно все звучит, но будоражит и вызывает эмоции, фантазии... А тот второй адаптированный перевод, где все правильно усреднено, и не запоминаешь ничего, как плохие учебники (всегда страдала, читая наши учебники истории, почему так уныло и нудно описаны мощные, взрывающие мозг, события, детям можно все интереснее преподносить. Эх...)».

Eghzarw d'Eghzarw: «Не знаю, не знаю, сравните, насколько ярче первый образ! Вообще, судя по цитатам в статье (от которой остается несколько неприятное впечатление), первый переводчик просто решил стилизовать перевод романа 19-го века под роман 19-го века, эдакий Крестовский, а то и Вельтман».

Мария Бахарева: «Да в те времена что только не печатали! Также наивно предполагать, что В. Пузатов непременно должен существовать ггг».

Eghzarw d'Eghzarw: «Автор, наверное, молодая, и романов вроде “Последняя любовь Скарлетт” и газету “Скандалы” не читала в восьмом классе под партией!»

Мария Бахарева: «Они бы еще популярного автора детективов Марину Серову поискали!»

Nathalie Raybman: «Эх, счастливый запах 90-х. Время, когда казалось, что можно все».

Anastasia Zavozova: «Я в целом удивлена тем, как серьезно разбирают перевод из 90-х. Да тогда была целая традиция, клепали книги по латиноамериканским сериалам и дописывали их как хотели. У меня бабушка их все читала и все ее знакомые бабки :) Художественный перевод к этому не имел никакого отношения. Опять же, никто не учитывает, что несчастный Пузатов мог быть автором подстрочника, который потом расписали и улучшили в издательстве, что тогда случалось сплошь и рядом. Или тем самым редактором, который за три копейки просто пересказывает примерный, наскоро сделанный подстрочник. И что книга 1992 года могла быть напечатана где угодно и кем угодно и Пузатов об этом мог даже не знать».

Eghzarw d'Eghzarw: «И что звали его, возможно, вовсе не Пузатов!»

Elena Lemeneva: «Прекрасный же перевод, такой же экзотический, как вся история плантаторов и их рабов!»

Андрей Калиниченко: «Женщины! Кто помнит этот первый яркий и сладкий сериал в голодный и серый период нашей истории? Мужчины! Кто ненавидел эти противные бакенбарды главного героя и фальшивую улыбку героини? Прочитайте до конца. Тут все про нашу жизнь, смешную и грустную».

Гульнара Чиклина: «Я помню эпизод из жизни... грустный... был ноябрьский вечер, страну колбасит не по-детски (я еще не знала, что так будет очень долго, до сих пор...), мы с мамой идем от остановки в сторону дома, она: “Давай быстрее пойдем, там сейчас кино начнется “Изаура”. Я хоть так отдохну от всего, что вокруг творится”... вот запомнила это и все... Уже и мамочки нет со мной, и страну колбасит, и убегаем мы все от реалий вокруг, и фильм этот дурацкий напомнил это... уф... ((».

Андрей Калиниченко: «Музыка заставки к сериалу сидит в подкорке)))»

Ioseb Khachidze: «Гугла не было, человек помучился, учитывая его состояние, думаю, можно все простить. Готовый сценарий для завлекательного фильма. Сначала детектив, а потом драма со следами...»

Galina Palaguta: «Точно, история для кино. Только мне кажется, он с переводом не мучился. Он творил! И, наверное, отдыхал душой, забывая про свои напасти. Так что, конечно, простительно. Тем более что есть и профессиональный перевод этой книги».

Стелла Прюдон: «А вообще, такой бешеный интерес позднесоветских людей к проблемам рабовладельческой Бразилии сам по себе настраивает на абсурд как норму. Пузатов этот запрос реализовал».

VK

Ящар: «По-моему, это был крутой перфоманс, мужик рулит. Как бы “мизерабельность бесправия не прикроешь фиговым листом внешнего декора!” Это про Россию, друзья».

«Короче, народ хочет продолжения. Может, все-таки позвонишь Пузатову? Может, он жив?» – продолжает приятель. «Блин», – отвечаю я. – «Ну, как знаешь».

И все-таки движение «ямыпузатов» в комментариях к статье заставляет меня призадуматься. Я по-прежнему не считаю дело рук Пузатова пародией. Мне не кажется, что переводчик этот ставил целью высмеять дамский роман или чрезмерно художественный слог. Но согласна: есть в его переводе какое-то необъяснимое очарование. Человек старался и, возможно, перестарался, но он действительно так видит. Я отвлекаюсь на другие дела, но тут снова пищит телефон.

Сообщение в «Фейсбуке» от пользователя не из списка друзей: «Здравствуйте, Юлия! А вам еще никто про настоящее фио астраханского самородка не написал? Так-то с ним немало людей были и у нас здесь в Москве знакомы. И историю этого своего перевода он иногда пресмешно рассказывал за стаканчиком». – «Здравствуйте! Нет, никто ничего не писал. И как его зовут на самом деле?» Незнакомый собеседник присылает мне ссылку на фейсбучную страницу одного из самых известных журналистов Москвы и добавляет: «Если б не умер, посмеялся бы. Он был такой – весельчак и бонвиван».

4. Конец восьмидесятых

Я хорошо помню 1988 год. Мне было восемь лет. Меня только что приняли в октябрята и тайком покрестили в Казанской церкви. Прицепили октябрятскую звездочку и надели нательный крестик.

Папа вернулся из Амдермы. Он надеялся, что армейская дисциплина в условиях сурового арктического климата поможет ему навсегда разорвать порочную связь с бутылкой. «Набивались мне тут с предложением отведать браги два земляка, – писал он маме с края Земли, – мы с ними в Карском море испунулись. Командир, когда увидел, махнул рукой и сказал, что это горьковские раздолбаи. Мол, оттуда все такие – лихие. Так вот после этого земляки предложили мне выпить, но, естественно, получили от ворот поворот. Одному из них тридцать, другому – прапорщику – двадцать четыре года. Которому двадцать четыре года, сказал, что надо быть мужиком, так вот я этому “мужику” рассказал, как готовить и употреблять из клея БФ “эликсир жизни”. Он вытарашил глаза и спросил: “А ничего от этой смеси не склеится?” Я ответил, что несколько дней у него внутри будет то же самое, что и у крокодила Тотоши, который наелся калош. Ну он заткнулся и больше меня на слабо не брал. Ушли те времена, когда между нами с тобой сеяла семена раздора проклятая водка. Теперь ты, Наташа, – жена военнослужащего Заполярья, а не какого-нибудь “каскадера”, пьяни, ханыги. Верь в меня, милая Натка, я не свихнусь и не сойду с трезвого пути, будь спокойна насчет своего белобрысика (это меня то ли в садике, то ли в первом классе так звали – Лысик-белобрысик)».

Увы. Бортинженером и полярником отец пробыл всего год. Он снова запил. Целыми днями либо сидел дома, обнимая сумку, в которой хранились каштановые волосы его покойной матери, и слуша

Выбив из отца адрес цыган, мама помчалась к ним и, будучи вне себя от ярости, пригрозила, что если ей не отдадут ее добро, она наведет порчу на весь их табор. Милая мама ростом метр пятьдесят пять в гневе действительно страшна, так что я понимаю цыган, которые ей поверили.

запись голоса покойного отца на бобинах, либо мотался в поисках очередной дозы. Работы не было, денег в доме – тоже. Мама ругалась на папу и обижалась на своих родителей. Когда мы приходили к ним в гости, вместо того, чтобы спросить, как у нас дела, бабушка начинала рассказывать, как дела у рабыни Изауры (она переживала, что донья Эстер никак не подпишет Изауре вольную), а дед сообщал о его успехах в шахматах по переписке.

Наконец отцу повезло. Его взяли электромехаником на радиостанцию при областном радиотелевизионном передающем центре. Радиостанция располагалась на выезде из города, между трассой Москва – Казань и валавскими лесами. И хотя это был довольно секретный объект, мне разрешали иногда приходить туда в гости. Это было мое место силы. Меня завораживали все эти непонятные передатчики с множеством загадочных кнопок и рычагов. Однажды, пока папа не видел, я взяла телеграфный ключ и пропикала на нем мелодию из «Рабыни Изауры». Надеюсь, это ни на что не повлияло, самолеты не упали, паровозы не сошли с рельс.

В здании радиостанции стоял замечательный запах – смесь курева, крепкого черного чая и канифоли. На втором этаже располагалась комната со столом для настольного тенниса, где можно было погонять легкий мячик. На территории антенного поля мы собирали грибы и землянику (самый вкус-

ный чай на земле – это чай с земляничными листьями). Однажды у какой-то заброшенной землянки я нашла медную монету екатерининских времен. Папа сказал, что давным-давно там жила какая-то старушка, возможно, отшельница. А вот в будке у радиостанции жил пес по кличке Вентилятор – его так называли, потому что он забавно крутил хвостом. Папа всегда приносил ему из дома косточки. Правда, пару раз перепутал пакеты, отдал псу свою жареную рыбу, а сам сидел потом как дурак, обгладывая мослы. Вентилятор постоянно лаял на Чертика (так звали местного темно-серого кота) и гонял его по территории радиостанции. Однажды мужики с папиной работы поймали кота и дали ему водки. Чертик опьянел, осмелел, набросился на Вентилятора и изодрал ему когтями всю морду. Вентилятор сильно удивился и потом пару дней, пока Чертик страдал с похмелья, выглядел из-за угла с опаской.

Через два месяца после трудоустройства на радиостанцию папа снова загудел. Он был не из тех пьяниц, что могут каждый день быть навеселе, но при этом выполнять социально-семейные функции. Примерно на пятый день запоя отец превращался в зомби – по большей части лежачее, но иногда и ходячее тело. Как правило, запой продолжался три недели, и в течение этого времени отец был не в состоянии работать. Следующие – трезвые три недели мы жили более или менее спокойно, но в тягостном ожидании следующих «месячных» папы (определение мамы). Я не знаю, почему отца не выгоняли с работы. Может быть, потому, что он действительно был отличным спецом. Трезвый, он и отцом был отличным.

У нас был фотоаппарат «Смена», и мы, бывало, снимали и печатали фотографии. А однажды папа купил какую-то специальную пленку и сказал, что мы будем делать диафильм. Мы отправились на набережную – в те места, где когда-то стоял родной дом отца и где прошли мои первые годы. Дом этот находился в зоне затопления. Из-за строительства Чебоксарского водохранилища нас переселили в хрущевку на улице Чернышевского. А потом проект накрылся, территорию не затопили, в дом заселились какие-то приبلудные цыгане и через месяц его сожгли.

По возвращении с «родного пепелища» мы с папой идем в ванную, чтобы сделать проявитель. Отец отмеряет на весах какие-то порошки, смешивает их, я ему ассистирую, подготавливая воду – она должна быть определенной температуры. Я измеряю ее особенным градусником, он тоньше, чем тот,

что суешь под мышку. Залив проявитель в бачок, отец доверяет мне ответственное дело – вращать катушку с пленкой. Я вращаю и повторяю про себя: «Чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился, чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился...» Я нашла эти слова в маминой записной книжке. Там было написано: «Заговор от пьянки. Приди на кладбище на девятый день на чужую могилу. С собой принеси горстку пшена, насыпь крест-накрест на холм, потом вынь вино и вылей рюмку туда же. Заговор читать три раза: принесу на землю покойной душе, образумь моего мужа запойного, чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился. Аминь». Через десять минут сливаем проявитель, заливаем воду, сливаем воду, заливаем закрепитель. И еще двадцать минут я кручу свою шарманку, закрепляя желание, повторяя все те же слова: «Чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился, чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился, чтобы от... Аминь».

На премьеру нашего диафильма собираются соседи из квартиры напротив, со второго и пятого этажа. Полумрак. Включается фильмоскоп. Луч света ложится на белую дверь спальни. Комната наполняется запахом нагретой пленки. Мама ставит пластинку с музыкой оркестра Поля Мориа. Играют скрипки. На экране появляется первый кадр нашего черно-белого шедевра: единственный в мире сухопутный порт, унылый и одинокий, никому не нужный, с пустыми глазницами, холостой. У входа – черные железные якоря, цепляющие воздух, ничто, пустоту. Папа крутит ручку проектора. Следующий кадр. Причальная стенка – как грань египетской пирамиды. Гигантская гробница несбывшегося. Следующий кадр. Перила причала – могильная ограда. Следующий кадр. Белый паром, перевернутый вверх ногами. Стоит, как гигантская юла на небе. В трюме парома темно, ничего не разглядеть, даже спасательного круга. Потом – свет. Макарьевский монастырь.

Мама выключает пластинку. Гости аплодируют. Все счастливы.

На следующий день отец пропадает. Значит, заговор не подействовал.

Уже полночь. Мы с мамой легли спать на разложенном диване в зале. Вдруг слышим долгое ковыряние ключом в двери. Наконец, удача. Отец заходит. Сопя, разувается в прихожей. «Надоел, как зараза!» – шипит мама. «Не обращай внимания», – говорю я. Вдруг в комнате вспыхивает свет. Мама накрывается подушкой. Я зажмуриваюсь. Через щелки

глаз вижу еле стоящего на ногах отца. «Ой, – говорю, – мам! Свет сам зажегся! Замыкание!» Встаю, прохожу мимо отца, якобы его не замечая. Выключаю свет. Ложусь. Отец сопит в темноте. Снова врубают свет. Я опять вскакиваю: «Ой! Опять!» Бегу выключать. Отец, растерянный, стоит, вылупив глаза: «Это я включил!» Выключаю свет, ложусь. Отец опять включает. «Да что ж такое-то!» – ругаюсь я. Отец хватается с кресла спящего кота Кузю и трясет им в воздухе. «Мам, смотри! Кузя полетел!» – говорю я. Отец трясет кота сильнее: «Это я, я его поднял!» «Полтергейст!» – говорю я, не сводя глаз с кота. Отец трезвеет с перепугу, бросает Кузю, встает передо мной на колени, бьет себя в грудь: «Девчонки, да вы чего? Это я! Я! Живой, вот он я, – хватается меня за ногу, за руку, – вот, пощупайте, я живой! Живой!» «Так, ну все, хватит, Юлия!» – говорит мама (когда она называет меня полным именем – Юлия – я знаю, она сердита). «Заканчивай этот цирк! Григорий, иди спать!» «Ага!» – кивает радостный Григорий. И, щупая себя за руки, за щеки, встает с карачек, удаляется и бормочет: «Жи-ив, жи-ив!» Спустя полчаса из спальни доносится: «Минутная готовность! Ключ на старт! Идут наддувы, отошла кабель-мачта, все нормально. Дается зажигание. Три, два, один. Пуск!»

Наутро мы уходим жить в деревянный дом к деде Вале и бабе Лене.

Через пару недель в один из дней мама после работы зашла в квартиру на Чернышевского, чтобы что-то забрать, и увидела, что отец валяется в отключке, отошавший Кузя ест из блюда на полу маринованные свиной шейки, а с иконостаса в углу пропала Святая София. Мама разбудила отца и начала допрашивать его, куда он, зараза, дел икону. Отец сначала всячески изворачивался, говорил, что к нам залезли воры, но в итоге все-таки сознался в том, что загнал икону цыганам за бутылку. Выбив из отца адрес цыган, мама помчалась к ним и, будучи вне себя от ярости, пригрозила, что если ей не отдадут ее добро, она наведет порчу на весь их табор. Милая мама ростом метр пятьдесят пять в гневе действительно страшна, так что я понимаю цыган, которые ей поверили. Прижав к сердцу возвращенную святыню, мама принесла ее домой. Отец встал на колени перед образами, заплакал, назвал себя хриstopродавцем и поклялся завязать с вином. Через несколько дней он поехал в Горький, где красивый черноглазый врач-гипнотизер по фамилии Зелексон закодировал его от пьянства на пять лет. Повтор сериала «Рабыня Изаура» в 1990-м мы встречали с новым – хронически трезвым папой.

вместо денег давали масло и сыр, так что в каком-то смысле мы как сыр в масле катались даже в те неблагополучные годы. Папу выбрали председателем домашнего комитета, в чьи обязанности входило распределение по квартирам талонов на еду. С помощью каких-то махинаций ему удавалось получать несколько лишних талонов на сахар, что позволило организовать противозаконное производство самогона на дому. На продажу, естественно, – отец больше не брал ни капли в рот.

Вся наша «двушка» с проходными комнатами провоняла сивушным запахом. Ванную, где раньше совершались алхимические таинства по проявке фотографий и диафильмов, теперь захватили пузатые алюминиевые фляги, похожие на недоделанных роботов. Входя в спальню, я каждый раз натянулась на приветствия раздутых резиновых перчаток, надетых на трехлитровые банки с бражкой. На кухне стоял самогонный аппарат, соединенный с водяным краном резиновым шлангом. Теперь я точно знала, как выглядит Зеленый Змий – он был тощим и черным. Время от времени в квартире появлялись подозрительные личности, уносящие за пазухой чистоган – отец работал на совесть, клиенты были довольны. Мне все это дело не нравилось до тех пор, пока на выручку от продажи самогона отец не купил мне электронную игру «Ну, погоди!». Как сейчас помню: она стоила двадцать пять рублей, и это были какие-то бешеные деньги. Я как все наивные советские дети верила, что если набрать в игре тысячу очков, на экране появится мультфильм. Не стану описывать свои чувства, когда после 999 очков счет просто обнулится и игра началась заново.

Тем временем на жилищно-коммунальное хозяйство, где мама работала секретарем-машинисткой, выдали одну подписку на двенадцатитомник Лескова, и мама с большим скандалом присвоила себе эту подписку. Ряд книг с изумрудными корешками, украшенными позолоченной резьбой, оживил скромный интерьер нашей квартиры: вместо стенки (как у порядочных людей) – составленные платяной и книжный шкафы, вместо паласа на полу – домотканые половики, вместо пылесоса – веник с совком и повсюду – заросли маминых цветов: алоэ, аспарагус, бегония, каланхоэ, герань.

Папа откладывал самогонные деньги на покупку кнопочного цветного телевизора. Пока же приходилось переключать каналы, вращая барабан, как в новой передаче Первой программы ЦТ «Поле чудес», которую вел Владислав Листьев. На нижегородском телевидении началась передача «Поне-

дельник». Ее вели местные журналисты Александр Блудышев (усат как Листьев) и Илья Ластов (отдаленно напоминает Ричарда Гира из «Красотки»). Именно благодаря им мы увидели и «Красотку», и другие американские фильмы. В основном это были боевики: «Робокоп», «Вспомнить все», «Крепкий орешек».

В 1991 году в СССР произошел путч. Все накопления деда на сберкнижке сгорели. В день его рождения, 6 октября, во время концерта в Москве погиб любимый певец мамы Игорь Тальков. Я написала оду на его смерть, которая, к счастью, не сохранилась.

По каналу «Останкино» начался показ мексиканского сериала «Богатые тоже плачут». Главная героиня по имени Марианна казалась мне ужасно приторной и фальшивой. Гораздо больше симпатий вызывал ее умирающий от алкоголизма отец и Луис Альберто – он был тоже не дурак выпить. Подбирать на фортепиано мелодию из заставки «Богатых», в отличие от «Рабыни Изауры», мне не хотелось.

В 1991 году у меня появился персональный компьютер. Правда, он был бумажный. Это был разворот книжки «Энциклопедия профессора Фортрана» с изображением компьютерного экрана и клавиатуры. Действие красочного научно-популярного комикса происходило в городке Симплексе, где жил лысеющий блондин профессор Фортран и его друзья-ученики – кот Икс, Гусеница и Воробей. Интеллектуально сверхразвитая живность писала алгоритмы для роботов и компьютерные программы, объясняла читателям, что такое гибкий магнитный диск, телефонный модем, и сообщала, что слово «фея» на машинном языке записывается как 1100110 1100101 1100001. Но главное было не это. Зная, как я люблю передачу Блудышева и Ластова, отец, прямо как купец в сказке «Аленький цветочек», привез мне из заморской страны, а точнее, из Горького – он теперь стал называться Нижним Новгородом, – автографы всех нижегородских телезвезд, включая Блудышева и Ластова. Каким-то образом проникнув в телецентр, он попросил их написать мне пожелания в «Энциклопедии профессора Фортрана». «Юленька! Любя папу и маму, не забывай про кино. И оно тебе поможет», – написал Блудышев. «Дорогая Юлия! Книга – не единственный источник знаний, но и не последний», – написал Ластов. Я чувствовала себя Избранной.

Советский Союз распался, президентом новой страны стал Борис Ельцин, но вместо него в новогоднюю ночь россияне поздравил с праздником са-

тирик Михаил Задорнов. А уже 2 января 1992 года по второму каналу начали показывать «Санта-Барбару». Для меня самым поразительным в этом сериале было то, что там все время меняли актеров, исполняющих одну и ту же роль. Поначалу казалось странным, что Си Си Кэпвелл впал в кому одним человеком, а вышел из нее – другим. Но потом это настолько вошло в обмен веществ, что, обознавшись, приняв на улице одного человека за другого, я автоматически думала: «Актера заменили!»

Мама увлеклась гороскопами, в какой-то газете прочла, как на основе даты рождения рассчитать психоматрицу, или так называемый квадрат Пифагора, и составила такой гороскоп всем членам семьи. Моя психоматрица оказалась самой непримечательной. Почти по всем пунктам я набрала всего по одной цифре, за исключением двух восьмерок, означающих сильно развитое чувство долга. У мамы обнаружили три девятки, свидетельствующие о наличии дара ясновидения. В психоматрице бабушки наблюдалось чрезвычайно редкое явление – шесть (!) единиц. Если верить толкованию, в душе бабушка была деспотом, но изо всех сил эту свою черту подавляла. В примечании говорилось, что в двадцатом веке была всего одна дата, дающая в психоматрице шесть единиц. Очевидно, это был день рождения бабушки – 19 января 1917 года. Кроме того, у бабушки был выявлен «Знак Пророка» (четыре девятки). В секторе, отвечающем за силу биополя, у деда обнаружили четыре двойки, что означало сильную энергетику и возможность заниматься целительством. У отца двоек было еще больше – целых пять. В пояснении опять говорилось, что такой переизбыток биоэнергии встречается очень редко и что энергию эту обязательно нужно тратить, иначе она окажется губительной для носителя.

Приняв к сведению эту рекомендацию, папа немедленно записался на заочные курсы гипнотизеров и начал лечить свои биополем головную боль у коллег, друзей и родственников, о чем свидетельствует записка деда, также ставшего пациентом Г.М. Лысова: «Гриша сказал, что сегодня он видел над моей головой тонкий слой голубого свечения (ауры). Именно – тонкий. Он делает мне, наверное, восьмой или десятый сеанс. И в первых сеансах однажды было очень заметное сильное свечение толщиной с палец, по его словам, но потом он его снял до тонкого в несколько миллиметров».

Я верила, что какие-то паранормальные способности у отца были. Помню, например, как вскоре после возвращения из Амдермы он проснулся утром

в ужасе и сказал, что сегодня сообщает о какой-то страшной катастрофе в стране: он что-то видел во сне. И днем из теленовостей мы узнали о Спитакском землетрясении. В другой раз, очнувшись в поту, он сказал, что сегодня ночью погиб какой-то близкий человек, нам не родной, но очень хорошо знакомый. И в тот же день мы узнали, что нашу хорошую знакомую в ночную смену на заводе задавило электрокаром.

Однако когда я заболела гайморитом, никакие лечебные пассы руками в исполнении папы мне не помогли. Меня положили в больницу на три недели, и это был огромный стресс, потому что прежде ни в каких казенных домах я так надолго не задерживалась. Мама навещала меня каждый день, дед не приходил, но передавал мне с мамой книжки и письма. Как то:

«Здравствуй, Юля!

Посылаю тебе книгу “Творчество: загадки, иллюзии, правда”.

Чтобы знать правду жизни, многие писатели прошлого даже специально жили “на дне”. В трущобах, как, например, писатель Владимир Гиляровский, создавший серию рассказов “Трущобные люди”. А великому Ф.М. Достоевскому жизнь преподнесла “подарочек” – он несколько лет был на каторге и описал ее в подробностях: какие люди, характеры, нравы, и почему такие, как жили, что он сам пережил и как думал. В книге “Записки из мертвого дома” (я и ее читал).

У А.П. Чехова есть рассказ “Палата №6” – о больнице, где содержали душевнобольных. Он ведь был врач по образованию. И написал ярчайшую историю, где мягкий с иллюзиями человек, врач этой больницы, не понимая правды жизни, сам попал в беду (будучи здоровым) – в эту же палату №6.

Жизнь надо увидеть во всем ее многообразии и воспринимать ее, как она есть, не теша себя иллюзиями. Иллюзии опасны, люди не ангелы. Но их надо понимать. Поэтому относись ко всему спокойно (по возможности), “сократически”, то есть как древний философ Сократ (помнишь, мы читали его рассуждения о справедливости с Евфидимом, который полагал, что и воровать, и грабить, и обманывать – справедливо, если эти люди – враги, то есть из “несправедливого города”, по его определению).

Поэтому ты, пожалуйста, сильно не расстраивайся, что пришлось попасть в некомфортную обстановку, и спокойно без нервозности лечись необходимым сроком, чтобы потом не допускать ошибки пренебрежения к здоровью, а укреплять его (это –

главная мудрость, здоровье – главная ценность). А пока наблюдай и размышляй по изречению Священного Писания: “Во дни благополучия пользуйся благом, а в дни несчастья размышляй. То и другое сделал Бог” (Екклезиаст, глава 7-я, стих 14).

Наблюдай, размышляй и... готовь наброски будущего твоего рассказа, как у А.П. Чехова “Детская палата №6”. Для себя делай черновые наброски. И никому их не показывай. В этом рассказе ты передашь и свое душевное состояние, и пугающую темноту коридоров, и обитателей палаты (мало чем интересующихся, по твоим словам), и скудную пищу, и как хотелось домой – это произведет на тебя впечатление при глубоком осмыслении.

Это будет твоя школа жизни для твоего блага. Спокойно лечись, поправляйся, не скучай, а занимайся делом: тоже по Священному Писанию 22: “Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими, потому что это – доля его” (Екклезиаст, глава 3, стих 22).

P.S. А блокнотик для записей я тебе высылаю – клади его подальше, под подушку или попросту не бросай для любопытных.

Твой дед Валя – реалист по Сократу (но... с опозданием, не с юных лет вразумленный мудрыми словами)».

Мой дед – Романов Валентин Михайлович, 1925 года рождения, окончил физкультурный техникум, получил диплом тренера по тяжелой атлетике, начал делать спортивную карьеру, но поссорился с какими-то чиновниками, психанул и ушел работать слесарем на электротехнический завод. На службу он всегда ходил в парадном костюме, при шляпе и с чемоданом, где непременно лежал томик какого-нибудь Канта. Дед много читал, еще больше писал, причем что именно – никому из домашних не было интересно. К его бесконечной писанине (именно и только этим словом ее называли в семье) относились снисходительно-равнодушно.

После того как мама стала секретарем-машинисткой, дед купил ей печатную машинку «Любава» в надежде, что в свободное от работы время она перепечатает созданные им за годы публицистические и научные статьи. Мама пообещала заняться, хотя все никак не могла найти время – она часто задерживалась допоздна в конторе. Когда же, наконец, в один из выходных дней она добралась до бумаг деда, обнаружилось, что печатная лента в машинке истерзана до дыр. Никто не знал, что в нашей квартире расположилось подпольное издательство «Опасность». Оно уже успело выпустить в свет несколько незаконченных произведений всемирно из-

вестной писательницы Джулии Мэднесс, состоящих из обложки и единственной главы (а иногда и одного абзаца).

В романе «Нетронутые» двадцатилетняя Дженис, чьи родственники умерли от малярии и холеры, живет в родовом поместье на пустыре в ста милях от Лондона и не решается подняться на второй этаж дома, где обитает сумасшедшая старуха, исполняющая по ночам псалмы. «Была темная холодная ночь. Дженис сидела у камина и раздвигала угли стальной кочергой. А в это время за окном в смятии и бешенстве по городу металась метель. Дженис грелась у огня, но в то же время потихоньку угасала от одиночества и тоски... в огромном пустынном доме, где пахло смертью», – говорилось в начале произведения.

В детективе «Тайна цвета ночи» с тщательно спланированным преступлением, богатый мужчина с ужасной внешностью (жидкие волосы, тонкие губы, крючковатый нос и лицо, усыпанное болячками) по имени Альберт Сэднесс нанимает детектива Маколея, чтобы тот расследовал покушение на жизнь его дочери Джейн несколько дней назад. Отец Альберта не любил своих детей: «Он не оставил нам ни цента после своей смерти и вышвырнул из дома как щенков, хотя я нигде и никогда не видел, чтобы существо с “куриными мозгами”, именуемое “курицей”, умеющей только носиться от каждого шороха, гордо и смело расправлялось с парой будущих собак”. Этот человек с “размягченными мозгами” оставил три миллиарда и две усадьбы внучке – то есть Джейн, с условием, что в случае ее смерти все это имущество перейдет ее кузену Дику, который родился глухим».

Роман «Любовь сильнее зла» почти весь состоял из диалогов.

«– Хэнк, – сказал Орсон, – к тебе пришла какая-то девушка. Я впустил ее в дом. Она ждет тебя.

– Какого черта, Орсон? Ты же знаешь, как мне надоели все эти девки! Они то и дело приходят и просят, чтобы я вернулся к ним! У меня голова идет кругом от дел, а тут еще какая-то шлюха пожаловала!

– Но это не одна из твоих подружек, я никогда не видел ее прежде!

– Как ты можешь быть уверен? Я и сам уже запутался в них. Их было слишком много, чтобы вспомнить хотя бы половину».

В романе «Стремящаяся в даль» двенадцатилетняя Анастасия мечтает уехать в Америку, когда вырастет, а пока не выросла, вместе с сестрами-близнецами лезет на заброшенный чердак старинного

«А я не знаю!» Я подумала, что это очередные его байки. Мы спустились в бар и встретили там того самого ирландца. И тот заявил, что Володя – его близкий друг, что они уже почти братья-близнецы.

– И литературную обработку пузатовского перевода Шпак не делал?

– Нет. Я думаю, он прочитал перевод по диагонали и весь ужас положения понимал. Но это изначально была авантюра, да и заказчики торопили... Хотя при наличии заинтересованного редактора из того, что напереводил этот Пузатов, можно было бы сделать шедевр. Но в тот момент это было никому не нужно – ни ему, ни тем, кто заказывал у него перевод. И тем и другим нужно было заработать денег. Это было время Остапов Бендеров, время, когда одних правил уже не было, а других еще не придумали, жизнь стремительно превращалась в фантазмагорию. Почему была возможна эта «Рабыня Изаура»? Почему это безумие выдержало три или четыре переиздания, почему его буквально рвали из рук? Да потому, что для этого ни с кем не надо было связываться, не нужно было получать согласия от владельцев авторских прав, не нужно было никаких юридических документов. Вот привезли им покетбук, они сказали: «О! А почему бы нам это не издать?» И издали. И деньги получили. И никто им по башке не надавал, потому что все вокруг разваливалось на глазах.

– А что было до «Рабыни»? Шпак родился в Астрахани?

– Нет, он родился в Шахтах. У родителей корни донские, казачьи. По образованию они геологи. После института работали на Колыме. Потом долго жили в Оренбурге. Володя там в шесть лет пошел в школу, экстерном закончил десятилетку, поступил в институт. Потом отца в конце 70-х перевели в Астрахань, Володя перевелся в Институт рыбного хозяйства – не потому, что хотел заниматься рыбным хозяйством, просто выбор был: либо Пед, либо Рыбный. Он тогда все время что-то писал – сценарии институтских капустников, репризы для команды КВН, и у него неплохо получалось. А в 1982 году на пятом курсе вместо того, чтобы заниматься дипломом, он отправил свои первые литературные опусы на конкурс – тогда в Доме творчества «Малеевка» в первый раз решили собрать всесоюзный семинар молодых писателей-фантастов. Володя конкурс прошел, его вызвали в Москву, он поехал, воодушевился, вернулся и сказал, что не будет

этот дурацкий Рыбный заканчивать. Решил стать писателем.

– Работа, с которой он ездил на конкурс, не сохранилась?

– Нет, к сожалению. Но он всем говорил, что поедет в Москву поступать во ВГИК на сценарный. Но во ВГИК он пролетел, а семью кормить было надо – он тогда уже женился, у него родился ребенок (Марина Борисова – третья жена Владимира Шпака. – *Прим. авт.*). Со своим неоконченным высшим он работал то там, то тут, пока наконец не оказался в редакции газеты «Комсомолец Каспия». И пазл сложился: он начал писать заметки, отправлял их в Москву, в газету «Советская Россия», потом, оставаясь корреспондентом «Комсомольца Каспия», стал еще и спецкором «Советской России» в Астрахани. Это было круто. К нему даже стажеров из Москвы присылали.

– А с чего начался его рыбный бизнес?

– Как корреспондент он постоянно мотался по области, писал какие-то репортажи о передовиках производства в астраханских рыбсовхозах. И когда начала рушиться госсистема, которая забирала на реализацию их улов, они остались без денег – свободного рынка еще не было, да и не умели они торговать. Что делать с рыбой – непонятно, она же портится. Что называется, идея витала в воздухе. Еще никто не сообразил, как разрабатывать эту золотую жилу. У Володи было время, когда они с партнером снабжали икрой и осетриной почти все московские рестораны. Но эйфория длилась недолго. Володя собрался построить рыбоперерабатывающий завод, взял кредит, закупил импортное оборудование, а потом не сошелся характером с большим человеком, и начались «временные трудности». Настал момент, когда он был должен буквально всем: у него были кредиторы в Москве, в Астрахани, была масса знакомых, которым он был должен. Каждый раз, когда у него требовали деньги, Володя предлагал взять у него в счет долга оборудование, но оно никому не было нужно. В понедельник приходили одни бандиты и уносили из офиса все компьютеры, потом долго шли какие-то терки с другими бандитами – они приходили к концу недели и заносили все обратно – потому что должен же как-то человек заработать, чтобы было что отдать. Эта белиберда длилась так долго и так надоела своей бессмысленностью, что в какой-то момент Шпак сказал: «Так, вот это вот все – только с понедельника по пятницу. Суббота и воскресенье – святое: семья и дети».

Самое смешное, что бандиты отнеслись к этому с пониманием.

- История про то, как Шпака чеченцы водили убивать – того же периода?
- Да. Кто-то из кредиторов напустил на него чеченцев. Они пришли и говорят: «Собирайся, поехали». Привезли в лесополосу, где была вырыта яма. И опять начались терки: «Будешь платить? – Денег нет. Забирайте оборудование! – Зачем нам оборудование?» И так по кругу. На каком-то витке этого бессмысленного разговора ему говорят: «Ложись тогда вот тут, мы тебя сейчас закопаем». А дальше Володя рассказывал так: «И тогда я ложусь и умом понимаю, что они со мной ничего не сделают, потому что если бы хотели убить, уже убили бы. А раз меня даже не били, значит, их задача – заставить меня заплатить. Умом я это понимал, но когда лежишь в могиле, это как-то мало утешает. А потом оказалось, что рядом с этой ямой был муравейник. И когда у меня по лицу поползли муравьи и мне стало щекотно, главное было не засмеяться, потому что, какая бы задача у них ни стояла, может случиться эксцесс исполнителя: когда у тебя человек лежит в могиле и ржет, кто-то может ведь и пальнуть на нервной почве. В общем, полежал я там, потом велели вылезать, затем состоялся еще один раунд терок, после чего меня отвезли домой». Закончилась эта эпопея тем, что, закрыв основные долги, Володя остался должен еще пятьдесят тысяч долларов. В первой половине 90-х это была большая сумма, убивали и за меньшее. Но ему простили.
- А что с мечтой стать писателем? Переехав в Москву и вернувшись в журналистику, он не пытался писать художественную прозу?
- Он писал, причем очень хорошо, но только в простое или в состоянии какой-то депрессии. Он был фантастически талантливым человеком, которому повезло, – это было абсолютно его время. Но вот если бы он родился чуть пораньше, то мог бы состояться, как состоялся в конце концов Довлатов. У Довлатова собственная жизнь была полем литературной деятельности, и он долгие годы пытался сделать из своих сублимаций что-то такое, что опубликовали бы советские журналы. А у Шпака такой задачи не было. Да, у него было много литературных зарисовок, даже готовых новелл, над стилем и композицией которых он очень много работал. Но все это преспокойно лежало на рабочем столе в компьютере, в папке под названием «Книга». Но не судьба...

- Не продолжайте. Все исчезло?
- Да, все исчезло. Мы переезжали с квартиры на квартиру, компьютер был старенький, решили оставить сыну нашей хозяйки – играть, работать на нем все равно уже было нельзя. А когда сообщили, что файл остался там, я просила: «Сходи, может, еще не поздно скопировать». Но он не пошел. Хотя там было несколько лет его жизни. И в этом весь Володя Шпак. Его литературным произведением был он сам. И дело даже не в том, что у него была серия устных рассказов, за достоверность которых, кстати, отвечать нельзя, – там очень много историй, заимствованных из чужой жизни.
- Ну это же нормально для писателя.
- Для писателя да. Но Володя не был писателем. А вот в журналистике он стал со временем суперпрофи. И этот профессионализм идеально реализовался в журнале «Русский репортер». Я глубоко убеждена, что в том виде, в каком «Русреп» состоялся и всем полюбился, он был возможен только в тандеме Лейбин – Шпак. Две яркие личности с разными взглядами не только на какие-то профессиональные вопросы, но и на многое вокруг, включая литературу и философию. Вдвоем они составляли два полюса, вокруг которых создавалось электрическое поле. А первые годы оно там искрило. Спорить и ругаться о смыслах в редакции было нормально. Похоже, это был последний оазис, где это было возможно. Со Шпаком постоянно все ругались, но почти никто никогда не ссорился. Ругались, потому что Володя любил играть в дежурного скептика, рубил много идей и текстов, которые не дотягивали до уровня «Русрепа». А не ссорились, потому что он никогда не переходил на личности, к чужой точке зрения всегда относился всерьез. Но главное, если уж Шпак похвалил текст – это даже круче, чем какая-нибудь журналистская премия. И конечно, никто не ожидал, что Володя умрет, не дожив месяц до своего 55-летия. Его дочь от первого брака как-то сказала мне: «Папа очень вовремя умер. Его время закончилось». Володя был человеком хаоса. Каждый из нас чувствует порой притягательность хаоса, который может сломать, взорвать, разрушить что-то, чтобы дать другую жизнь. Бывают времена, когда целые народы чувствуют: под пленкой безопасности, в хрупких рамках видимого порядка жив этот хаос, полный возможностей, которые не желают быть обузданными, плененными, организованными. Володя Шпак и система – любимая, хорошая,

используя приемы бурлеска и сатиры. Эти стихи не имели смысла, но были превосходны с точки зрения ритма. В одном из сонетов того цикла Гимараенс рассказывает о том, как лирического героя окружил некий крылатый гигант, и когда лирический герой, размахивая лучом грома, спросил гиганта силлогистическим голосом, кто он, гигант ответил, что он – анахронизм, похоронивший в темноте солицизм. Вот вам и мизерабельность бесправия! Но и это еще не все.

Большинство стихов Гимараенса того периода не были опубликованы из-за того, что их сочли... порнографическими. Стихи эти были утеряны, но сохранились два поэтических произведения другого периода, опубликованные в 1875 году, то есть одновременно с «Рабыней Изаурой». Первое называется O Elixir do rajé, или «Эликсир шамана». В предисловии к анализу этой поэмы литературовед Рафаэль Веспасиано Феррейра де Лима пишет, что привык к мелодраматическим романам Гимараенса, был сыт по горло сладкой и чрезмерно идеалистической «Рабыней Изаурой», поэтому очень удивился, столкнувшись с эротико-пантагрюэльской, иронической, комической и сатирической поэзией Гимараенса. Поэма «Эликсир шамана» является пародией на индейский идеализм поэм Гонсалвеса Диаса, в которых действует типичный безупречный герой-индеец, пробуждающий добрые чувства у буржуазного читателя. Де Лима пишет о том, что Гимараенс бесстрашно эксплуатирует эротику и всевозможные непристойности, его поэма демонстрирует нам иной взгляд на бразильскую поэзию, отличающийся от школьного канона. Поэма эта посвящена волшебному снадобью, которое помогает немолодому индейцу привести в боевую готовность «заплесневелую колбасу», «гнилой банан», «фонарь без огня», ну, короче, вы поняли.

*Приходите, шлюхи и девицы,
Откройте ноги моему огромному марзато,
Этот чудесный эликсир,
Самое большое удовольствие на земле,
В одной капле пятнадцать дней похоти.*

Так переводит гугл самый скромный отрывок из поэмы, в которой лихо используется бразильская obscene лексика.

Второе стихотворение из той же серии называется A Origem do mênstruo, или «Происхождение менструального цикла». Судя по предисловию, сообщаемому, что текст взят «из беспрецедентной басни Овидия, найденной при раскопках в Помпеях», это тоже пародия. Сочинение о благочестивом

Энее, который «хорошо побрил задницу, но бритва имела тупой край», есть в Сети, так что вы можете сами его отыскать и убедиться, что пузатовские «вонючие оргазмы» – это вполне себе в духе Бернардо Гимараенса, который, похоже, вселился в бедного Пузатова и его руками написал пародию на собственное произведение. Несмотря на весь абсурд, Пузатов смог уловить ту грань бразильского автора, которую не разглядел никто другой. Пузатов не графоман. Он – графомаг. Явление уникальное и пока наукой не изученное.

Как-то так (смайлик).

9. Щербаков

Я звоню по найденному номеру В.Л. Пузатова. Звоню несколько дней подряд. Длинные гудки, никто не отвечает. Я думаю о том, куда еще можно обратиться, как найти тех, кто его знал. Публики в «Фейсбуке» и «ВК» не помогли. Возможно, целевая аудитория гнездится не там. Придется регистрироваться в «Одноклассниках». Регистрируюсь. Добавляюсь в группы «Астрахань в курсе», «Астрахань – столица контрастов», «Позитивная Астрахань», «Астрахань без прикрас», «Астрахань в моем сердце» и так далее. Публикую объявление о поиске Пузатова. Люди считают мое объявление классным, и больше ничего.

Вдруг меня осеняет, что я читала нижегородское переиздание пузатовского перевода. Может, в подлиннике вообще все было по-другому? Ищу в каталоге Ленинки. Есть. Астраханское издание 1990 года, выпущенное редакцией газеты «Труд и время». Мне нравится черно-белая обложка брошюры, похожая на скан линогравюры. На переднем плане – темноволосая девушка, не имеющая ничего общего с Луселией Сантос, с грустной полуулыбкой задумчиво смотрит в никуда. На фоне – ночь, в ночи – темные силуэты рабынь и плантатора с ружьем. Пропустив предисловие, я приступаю к чтению романа. Увы: текст один в один повторяет то, что я уже читала ранее. Остается утешиться хотя бы вступительной статьей, хотя что там может быть интересного?

«Астраханцу Владимиру Пузатову – тридцать с небольшим лет», – говорится в предисловии. Значит, Пузатов был молодой, когда взялся за перевод.

«Он знает (а точнее, умеет писать, читать и разговаривать) более десяти языков. А на португальском, как шутит сам переводчик, он научился и думать. Так вот – наш земляк перевел «Рабыню Изауру» первым в Советском Союзе!

Если о качестве первоисточника красноречиво говорит зрительский интерес к сериалу, то о качестве перевода необходимо, видимо, сказать особо. Как мне представляется, большая заслуга Владимира Пузатова в том, что он не стал искусственно осовременивать язык произведения, созданного в середине XIX века. <...> Кстати, если почитатели телевизионной версии романа не найдут в самом произведении некоторых сюжетных ходов, то к переводчику пусть претензий не предъявляют, ибо накручены они были создателями фильма. Впрочем, судите сами... Юрий Щербаков, член Союза писателей СССР».

Юрий Щербаков указан в выходных данных в качестве редактора. Где-то я уже слышала это имя. Вот что сообщает о нем Интернет: «Юрий Николаевич Щербаков родился в 1956 году. Коренной астраханец. Председатель Астраханского отделения Союза писателей России».

Точно! Это он отвечал мне на запрос о Пузатове в Союз писателей.

«Автор более сорока книг публицистики, прозы, стихотворений, переводов, выпущенных в различных издательствах. Публиковался во многих всесоюзных и всероссийских журналах, газетах и альманахах. Его произведения переведены на ряд языков народов России. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Астраханской области и Республике Калмыкии. Член Коммунистической партии Российской Федерации. Лауреат Всероссийских литературных премий «России верные сыны» имени Александра Невского, «Традиция», «Имперская культура», имени Василия Третьяковского, международной премии Курмангазы Сагьраева, Московской литературной премии в номинации «Литературный перевод». За вклад в развитие культуры Астраханской области он был удостоен знака отличия «Честь и слава» II степени».

С формулировкой «вся надежда только на Вас» отправляю Щербакову новое письмо с просьбой рассказать о В. Пузатове. «Владимира Пузатова я видел дважды в 1990 году, – отвечает Щербаков, – пространных бесед мы не вели. По его словам, он – инвалид детства, что, впрочем, было видно и без документальных подтверждений. О его дальнейшей судьбе мне ничего не известно. Знаком ли с ним был Владимир Шпак – не знаю. Но то, что В. Пузатов и В. Шпак – разные люди, знаю точно. Кроме того, сообщаю, что Владимир Шпак к изданию «Рабыни Изауры» в Астрахани не имел никакого отношения. Зато к ее реализации – самое прямое. Поскольку в то время занимался торговлей газетами и книга-

ми. О своем участии в издании могу сказать вполне определенно: мне до сих пор стыдно и за предисловие, и за «редактирование», которого практически и не было. В результате получилось то, что вы справедливо подвергли обструкции в статье «Переводчик, который любил «Рабыню Изауру». Ушлые коммерсанты получили тогда на этом издании колоссальные доходы, причем не только в Астрахани, потому что «астраханский» вариант тиражировался тогда во многих городах».

Кроме того, Щербаков сообщил, что «Рабыню Изауру» Владимир Пузатов перевел еще в 1985 году с лиссабонского издания (он показывал Щербакову эту книгу), то есть задолго до показа телесериала. Так что никакой студент из Латинской Америки ее Шпаку не привозил: «Рукопись своего перевода Пузатов принес мне. Я работал тогда заведующим бюро пропаганды художественной литературы при Астраханской писательской организации. Принес, как и многие авторы, просто показать. Так что лежала эта рукопись в ящике моего стола года четыре, пока государство не отпустило книгоиздательские вожжи. Тут у знакомых кооператоров возникла мысль издать что-то доходное. В это время только что по ТВ победно прошла «Рабыня Изаура». Так что, к сожалению, идея ее издания принадлежит мне. Что поделаешь, из песни слова не выкинешь. Тем более что тот самый литератор-кооператор Борис Свердлов, который тогда был издателем, сегодня – мой заместитель в Астраханском отделении Союза писателей России. Что касается покойного Володи Шпака, с грустью вспоминаю, что в восьмидесятых он был подающим большие надежды писателем-фантастом. Как видно из его интервью, фантазировать он действительно умел. Потому что к изданию «Изауры» Шпак имел только прикладное, торговое отношение. <...> Кстати говоря, за «Рабыню Изауру» досталось мне тогда изрядно и от читателей, и от прессы. И поделом! В одном Шпак прав – что нужно было книгу издавать срочно, и редактировать ее у меня времени не было абсолютно! Вот и получилось то, что получилось».

Если перевод был действительно сделан в 1985 году, то это не страсть к наживе, а чистая, беспримесная любовь к искусству! Что же за уникал этот Пузатов? Как сложилась его жизнь дальше?

Мне приходит один жалкий комментарий в «Одноклассниках»: «Обратитесь в Астраханское отделение Союза писателей». «Обращалась», – отвечаю я. «Ну, если они ничего не знают, значит, не знает никто». Остается последний вариант – я нанимаю стрингера и озвучиваю ему задание: съездить по

Отец Владимир сообщил нам о трех самых главных пороках. Девочкам он запретил краситься, мальчикам – курить, тем и другим – смотреть телевизор. Особенно клипы Майкла Джексона, ведь американский певец, по словам отца Владимира, был бесом.

найденному мной в интернете адресу и выяснить, кто там живет. Если В.Л. Пузатов жив, то узнать, как можно с ним связаться для удаленного интервью. Если умер, то опросить соседей.

10. Лысовское телевидение

24 ноября 1993 года должен был наступить конец света. Об этом предупреждала Мария Дэви Христос, чьи фотографии были развешаны по всему Лысково. Мне казалось, что эта женщина в белом служит злу. Взять хотя бы ее «отчество» – Дэви. Добавьте букву «л» в конце, и все очевиднее некуда. Кроме того, лично у меня эта Мария вызывала стойкие ассоциации с персонажем по имени Дэмьен из самого страшного фильма за все века под названием «Омен».

Пока приспешники этой квазибогини расклеивали ее портреты на облезлых автобусных остановках, в нашей школе появился отряд казаков, призванных следить за порядком. Помню, как один усатый блюститель дисциплины в казачьей форме во время перемены поймал за ухо Витю Бочагина и сказал ему: «Еще раз услышу, что ты материшься, епт, я тебя выпорю, епт! Понял?» Витя ответил: «Понял, епт» и словил подзатыльник.

Мое вхождение в сознательную жизнь было очень запутанным. В десять лет меня приняли в пионеры, и я торжественно поклялась «жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия». В одиннадцать лет мне

приказали снять пионерский галстук, а в тринадцать – обязали посещать новый предмет «Закон Божий», который вел высокий иссохший старик по имени отец Владимир. Отец Владимир сообщил нам о трех самых главных пороках. Девочкам он запретил краситься, мальчикам – курить, тем и другим – смотреть телевизор. Особенно клипы Майкла Джексона, ведь американский певец, по словам отца Владимира, был бесом.

Получалось, что я была бесноватой. Я смотрела все музыкальные телепередачи, где могли показать клипы Майкла Джексона, собирала постеры, журнальные вырезки, календарики. Но вещь, которой я дорожила больше всего, был полиэтиленовый пакет с лицом поп-короля. Его по недоразумению в единственном экземпляре привезли на лысковский рынок. О, я молилась на этот пакет! Чтобы полиэтиленовая икона прослужила дольше, я использовала прием «пакет в пакет», вкладывая внутрь Майкла Джексона легендарную Марианну. Порванные места запаивала утюгом. И только когда левый глаз был нечаянно проткнут циркулем, губы посинели от протекшей синей пасты и образ уже не подлежал реставрации, я решила убрать святыню под стекло письменного стола.

Родители постелили в квартире линолеум, на котором было удобно тренировать лунную походку. Я оттачивала движения, пока мама и папа были на работе. Как-то раз днем мне помешал звонок в дверь. Я неслышно подкралась к двери и заглянула в глазок: на площадке стоял дед – как всегда в шляпе и с чемоданчиком. Он пришел, чтобы объяснить очередную шахматную партию, а мне так не хотелось! Мне хотелось танцевать, поэтому я не открыла дверь. Дед помялся и ушел. Я подбежала к окну и, спрятавшись за занавеской, смотрела ему в спину. Вот он идет по дороге, становится все меньше и меньше и исчезает. Навсегда.

Когда сообщили, что дед умер, я рассмеялась и брякнула: «Интересно, кому он завещал свой ваучер?» Я не знаю, как, почему, зачем я тогда это сказала. Я любила деда. Он был мне вторым, если не первым отцом.

Когда я увидела гроб, меня затошнило от ужаса: дед превратился в застывшую шахматную фигуру цвета слоновой кости. Приехавший на похороны из деревни Надеждино старший брат деда плюнул и сказал, что если б он знал, каким образом умер Валентин, он вообще бы никуда не поехал. Дед повесился.

На следующий день в школе на перемене ко мне подошла одноклассница, наклонилась и прошепи-

ла: «Твой дед был шизофреником». Я разозлилась, толкнула девочку в грудь и закричала: «Он был нормальный!» – «Нет! Мне тетя сказала! Она психиатром работает! Ей видней!»

После уроков я побежала к бабушке, залезла в дедов ящик, где лежала его многочисленная писанина, схватила первый попавшийся блокнот и прочла опись его снов за последние полгода жизни: «Где-то воевал, получил новую автоматическую винтовку, устройство которой неизвестно, но уже выбрана цель.

В какой-то артистической цирковой труппе в каком-то бараке барахтался беспомощный, полупарализованный. N/b Лена говорит, что я спал с открытым ртом.

Скандальный производственный сон – как халтурно у нас изготавливались станки, кругом масло. Объяснение с мастером.

Сон, что у нас крутят многосерийный фильм про колхозы, – как при Макаре Нагульнове и т. д. и т. п. Дичь! И у всех – отвращение к фильму и к реальной действительности. И мой мозг во сне работает на полную катушку, представляя, как все кругом коржится, ломается, приходит в запустение, покрывается ржавчиной, паутиной. Он привык, приучен.

Политический кошмар про Китай и СССР.

Дремал в полузабытьи и в этом полусне вдруг увидел страшное лицо Виктора Анпилова на митинге, где он орал: «Вешать!»

Меня привезли в дом сумасшедших, но ночью я сумел сбежать, оставив там свою балалайку и шапку. Не знаю, где очутился, надеясь, что найду жилой дом, чтобы переночевать, но кругом темнота, и я не знаю, куда идти».

Тогда, в тринадцать лет, я ничего не поняла. Меня поглотила лавина непонятных, пугающих чувств, аж живот заболел. Я положила блокнот обратно в ящик и вернулась к бумагам только спустя десятилетия. Но это уже другая история.

В сентябре 1993-го Майкл Джексон приехал в Москву, чтобы дать единственный концерт. Я не знала, что такое Москва. Для меня Москва была такой же далекой и недостижимой, как Америка. Я призналась отцу, что хотела бы побывать на выступлении Майкла Джексона, папа ответил, что это невозможно, но у него для меня есть кое-что получше: со дня на день я смогу смотреть клипы Михаэля Яксона (так на немецкий манер называл его папа) и других зарубежных певцов в неограниченном количестве. Оказывается, мой отец открывает в Лыскове телевидение, по которому

круглосуточно будут крутить MTV. Это было что-то невероятное!

Лысковский журналист Е. Фигин посвятит этому событию целую статью, опубликованную в местной газете. Называлась она «Из когорты неугомонных»: «Первый разговор о местном телевидении зашел несколько лет назад, когда на всех уровнях власти города обсуждался самый больной вопрос – как улучшить качество телевизионных программ, которые стали “забывать” наши соседи из Чувашии, потому что Лысково находится в зоне неуверенного приема телепрограмм. <...> Г.М. Лысов через посредников нашел каналы и вышел на производителей и разработчиков необходимой аппаратуры. И конечно же, убедил мэра города в необходимости приобретения ее. <...> И теперь лысковчане могут смотреть музыкальные клипы, новости из разных точек земного шара по телеканалу MTV. <...> В выходной день, 23 сентября 1993 года, был показан первый репортаж с осенней сельскохозяйственной выставки. Плюс праздничный концерт, что прошел в ДК ЛЭТЗ. <...> В рабочем портфеле телестудии будут и другие новинки. К примеру, появится новый вид услуг, когда каждый желающий (за умеренную плату) сможет с телеэкрана поздравить юбиляров, виновников семейных торжеств, молодоженов. И еще. Лысковчане смогут увидеть пять серий увлекательной мелодрамы “Реванш” (Венесуэла), другие фильмы и передачи. В добрый путь, уважаемые коллеги!»

Я сейчас не очень понимаю, как спутниковая тарелка для приема MTV могла улучшить сигнал центральных каналов. Зато помню пачки писем от разъяренных телезрителей, которые жаловались на то, что теперь на картинку Останкино накладывается картинка поющих негров, и требовали прекратить это безобразие. Особенно рьяные поборники морали и нравственности возмущались фильмами для взрослых, которые папа крутил по ночам. Лысковское телевидение прозвали лысовским.

Когда папа принес домой тяжелую серую видеокамеру, я чуть не чокнулась от восторга. Я научилась пользоваться аппаратом и сначала сняла на кассету пятиминутный кукольный хоррор с участием резинового Юрия Куклачева, плюшевого медведя и поддельной куклы Барби. Потом я позвала двух подруг, и мы сняли первую серию мексиканского сериала «Хрестя» – о бедной девушке, попавшей на службу в богатую семью. Прообразом главной героини стала горбатая старушка по имени Хрестя – она жила по соседству с бабушкой и владела такой же старенькой, как она сама, козой. Я в этом сериале играла садовника по имени Дон Родольфо. Его

отличала необыкновенная тупость, поэтому когда остальные герои сериала хотели кого-то оскорбить, они говорили: «Ну, он прям как Дон Родольфо!» Или, желая оправдаться: «Я тебе что, Дон Родольфо, что ли?»

24 ноября 1993 года конец света не наступил. Вместо него по Останкино начали показывать загадочный сериал «Твин Пикс», где Лора Палмер говорила голосом Рабыни Изауры (то есть Надежды Румянцевой).

Я записала на видеокассету документальный фильм про Майкла Джексона, который показывали по MTV, и вознамерилась перевести его на русский язык для лысковских зрителей. Поняв процентов пять из английской речи, я решила импровизировать – в конце концов, я немало знала про своего кумира. Я написала текст, озвучила его в студии на микрофон и попросила монтажера вставить мой голос в фильм. Получилось замечательно.

А потом я спросила папу: можно ли мне сделать свою передачу? Папа сказал: «Естественно!» Я собрала небольшую команду, и мы стали выпускать часовую программу под названием «Вечером в четверг». Это было очень странное шоу. В одном из выпусков я доказывала, что сюжет клипа Babe американской группы Take That один в один повторяет сюжет советского фильма «Дело было в Пенькове». В другом – мы сделали переозвучку сериала «Просто Мария». В нашей версии злодейка Лорена Дель Вильяр хотела убить Марию из-за того, что та отжала последнюю пачку маргарина в магазине накануне новогодних праздников. Мне так понравилось дублировать, что я записала по телевизору интервью с Викторией Руффо, которая как раз приезжала в Москву, сочинила рекламный текст и переозвучила актрису. Теперь исполнительница главной роли в сериале «Просто Мария» говорила о том, как ей нравится косметика из лысковского магазина № 40. Ролик показали по лысковскому телевидению. Многие поверили, что Виктория Руффо, будучи в России, заезжала и в Лысково.

Самой длинной рубрикой в «Новостях» лысковского телевидения была «Криминальная хроника» с бесчисленным количеством неопознанных трупов. Некоторые из трупов впоследствии оказались владельцами ларьков и коммерческих магазинов. Иногда менты просили отца сделать оперативную съемку. Одну из таких записей я однажды случайно увидела. Задержанный указывал на озеро, откуда вытащили тело замученного парня. Перед утоплением его, привязанного к машине, таскали по полю. Это было страшнее, чем сто фильмов «Омен».

1 марта 1995 года убили Влада Листьева. 4 марта вся страна (включая нас с папой) смотрела похороны тележурналиста, а у мамы был день рождения, и ей было обидно, что в ее праздник все скорбят. Вскоре после этого из Санкт-Петербурга пришло сообщение о том, что скоропостижно скончался мой дядя, которого я ни разу в жизни не видела, – старший брат папы, ставший начальником отдела Главного управления внутренних дел по Санкт-Петербургу и области. Отец собирался на похороны, но сорвался и запил. Когда через три недели с помощью хлорных уколов его вывели из запоя, куда-либо ехать было уже поздно.

Отец снова вошел в своей режим три недели через три, и график этот никак не совмещался с трудовой деятельностью на посту директора лысковского телевидения. Тем не менее администрация города, в чьем ведении находился телеканал, отнеслась к проблеме терпимо. Мы все надеялись, что Григорий Михайлович Лысов снова сможет взять себя в руки – ведь не пил же пять лет! Тем более что после каждого запоя он обещал завязать.

В школе меня доставали рассказами о том, где валялся пьяный директор телевидения, кто его подбирал, как он мотался ночью по квартирам и просил налить. Мне было стыдно за отца, как до этого было стыдно за «шизофрению» деда. Я бросила вести передачу.

Воспитательные беседы с отцом проводили все – от мэра города до отца Владимира. Священник велел маме молиться и держать строгий сорокадневный пост на хлебе и воде. Мама – кремень, сделала все, как было предписано. В сорок лет похудела до сорока килограммов и пережила так называемое бесовское нападение. Вот как она описывала случившееся: «Мне показалось, что в квартиру проникло что-то невидимое, и дверки в зале сами по себе отворились с грохотом. Меня что-то окружило, я ничего не видела, но это было везде: сверху, около меня. Я взяла молитвенник и ушла в другую комнату, и “нечто” опять меня окружило, мне слышались какие-то голоса, много голосов, но это был просто шум, набор непонятных слов. Мне стало жутко, было ощущение, что если бы я увидела то, что меня окружает, я бы умерла от ужаса. Я схватила молитвенник и стала читать все подряд, не обращая внимания ни на что, читала долго, не помню сколько, и вдруг я поняла, что наступила тишина».

Через два года, в 1997-м, терпение вышестоящих инстанций лопнуло, и отца перевели на должность технического директора лысковского телевидения. Папа понимал, что сам виноват, но

смириться с понижением не мог. Он уволился и заявил, что откроет в Лыскове новый – коммерческий телеканал. Он нашел адрес известного колдуна, поехал к нему в деревню Алешково и прошел магический обряд на избавление от алкоголизма. Колдун тогда сказал ему: «Запомни: если выпьешь – умрешь!» Отец запомнил и не пил. Он собирался стать успешным менеджером – я не знаю, почему, но он делал ударение в этом слове именно на предпоследний слог.

Для осуществления новой амбициозной цели отцу предстояло общаться со многими большими и важными людьми, а для этого необходимо было привести в порядок зубы. Через какие-то свои связи отец договорился со стоматологическим кабинетом в Нижнем Новгороде. Ему делали зубы то ли в кредит, то ли в счет будущей рекламы. 17 ноября 2000 года он вернулся из Нижнего, где ему доделали последний зуб. Отец показался нам с мамой каким-то странным, мы заподозрили, что, он, возможно, выпил. Он утверждал, что от него пахнет лекарствами, а странный он из-за того, что ему вкололи лошадиную дозу обезболивающего.

Ночью я встала, чтобы выпить воды. Отец сидел на кухне и курил свою вонючую «Приму». Я сто раз просила его выходить на балкон – не вонять дома. «Ты чего не спишь?» – недовольно буркнула я. «А ты чего не спишь?» – так же недобро огрызнулся отец. Я фыркнула и ушла спать к себе. А где-то через час проснулась от топота. Это была бригада скорой помощи, которую вызвала мама. Отцу стало плохо, он сказал, что умирает. «Мама, он уже столько раз умирал... Сама знаешь, он здоров как бык – всех нас переживет». Я спокойно пошла спать.

Я спала долго, часов до двенадцати дня. Зайдя на кухню и открыв холодильник, я нашла там связку бананов. Я отломил один банан, очистила его, но не успела откусить – меня прервала мама: «Вообще-то я покупала это отцу». «Ты идешь к нему? Я с тобой». «Я уже была с утра. Мне сказали, что его реанимировали, но, придя в себя, он пытался сорвать с себя все и сбежать, поэтому его ввели в искусственную кому». «Он без сознания?» – «Без. Но когда я зашла к нему, он замычал». «Что сказали врачи? Все плохо?» – «Нет, сказали, рано отчаиваться».

Вечером позвонили из больницы и сказали, что отец умер.

Впервые я поняла, как мы с отцом похожи в двадцать лет, когда смотрела на него, лежащего в гробу. Я смотрела на свои мертвые, сложенные на груди руки – у отца мои пальцы, у меня – его форма ногтей,

на свои мертвые уши, на свои мертвые ресницы и волосы. Только зубы у него были другие. Новенькие.

После поминок в столовой Сельхозтехники ко мне подошла какая-то старуха, поблагодарила, сказала, что мы все хорошо устроили – и поминки, и похороны. Одна беда: новое кладбище уж больно далеко. Старуха вздохнула и добавила, что если ее понесут на новое кладбище, она этого не переживет.

11. Пузатов

«Жив твой старичок! – сообщает мне астраханский стрингер в ватсапе. – Живет с мамой, очень бедно, фактически в нищете. Высылаю его фотографии и короткий разговор, записанный на диктофон».

Боже. Как назло, телефон тормозит, фотография не подгружается, застопорилась на лысой голове – с макушки до линии бровей. Открывается. Бровей нет. Вот появились огромные глаза – черные-черные, а в них две красные луны – от вспышки. Очень худое, инопланетное лицо. По-своему красивое. Пузатов стоит, скрестив руки на груди, на фоне облупленной, с подтеками краски стены, на которой висит календарь на 2019 год с церковными праздниками. Одет в свободную серую рубашку и, кажется, джинсы.

На аудиозаписи – два голоса. Женский (это Лидия Алексеевна, мама Пузатова) слегка нервничает, не понимает цель визита. Озвученный интерес к переводу «Рабыни Изауры» комментирует так: «Это было в молодости. Молодость есть молодость, а дело идет к преклонному возрасту, и это уже другое дело!» Про себя рассказывает, что она пятьдесят лет проработала в школе. Теперь, когда на улице мимо нее проезжают ученики на машинах, то всегда останавливаются: «Говорят: “Лидия Алексеевна, дайте мы вас подвезем!” Мы-то бедные, они богатые. Подвозят. Этим я и живу. В церковь езжу, молюсь». «А соцработники вам помогают?» – спрашивает журналистка. «Нет, нам помогают люди, с которыми матушка познакомилась в церкви», – отвечает Пузатов.

Говорит Пузатов монотонно и отрывисто – похоже, что волнуется от внезапно обрушившегося на него внимания со стороны прессы. Вежливо спрашивает имя журналистки, вежливо же соглашается ответить на несколько вопросов.

– Владимир Леонидович, значит, это вы перевели «Рабыню Изауру»?

– Да. Я сам переводил, никто не помогал. У меня были словари, которые мне прислали мои друзья

из Португалии. В те времена у нас в Астрахани ничего такого купить было невозможно, а если и возможно, то крайне затруднительно.

- А это правда, что вы знаете десять языков?
- Раньше знал, сейчас меньше. Сейчас я регулярно занимаюсь только английским и французским.
- А где вы учились?
- Я учился в Астраханском государственном педагогическом институте имени Кирова. В 1977-м поступил, в 1982-м окончил. Я окончил факультет иностранных языков, английский и немецкий.
- Расскажите о том, как вы переводили «Рабыню Изауру».
- История очень простая. Я написал в газеты «Аванте!» и «Диариу» – это были португальские коммунистические газеты, вы знаете, тогда все можно было только через коммунистов сделать, через партии, дружественные КПСС, – с просьбой найти мне друзей по переписке, чтобы глубже изучить португальский язык. Откликнулось очень много людей. Человек пять-шесть. Не со всеми удалось поддерживать контакт, осталось два-три человека потом. И вот когда начался сериал «Рабыня Изаура» по телевидению, вокруг него было много ажиотажа, мне пришла в голову мысль: а что если перевести роман, по которому был снят сериал? Добыть оригинал на португальском языке и сделать перевод. Я попросил одну из женщин, не помню, где она жила, вроде бы в Лиссабоне, прислать мне книгу «Рабыня Изаура». Я ее перевел, потом связался с одним человеком, у которого были связи с издателями, и он помог мне издать эту книгу. Тогда, знаете, не было компьютеров, не было ничего такого, я ездил, искал человека, чтобы перепечатать текст рукописный. Нашел женщину-машинистку. Это было бескомпьютерное время.
- Вам хорошо заплатили за перевод?
- Я не помню, сколько денег я получил. Много времени прошло. Это было в начале 90-х. Полностью память отшибло на такие детали.
- А что было потом?
- Книгу опубликовали, была определенная известность, а потом все постепенно затихло. Я перестал переводить португальских авторов и начал изучать норвежский язык. Я написал на радио Норвегии письмо с просьбой найти мне друга по переписке со знанием норвежского языка. Они нашли добровольца, который счел, что у него есть время, чтобы этим заниматься. Им оказался завхоз, сейчас не могу найти более подходящего слова, одной газеты. Это была газета нор-

вежских патриотов, продвигавших свой родной норвежский язык. Там два варианта норвежского языка. Один официальный, похожий на датский, а другой более родной для них. Он ведет свои корни от исконно норвежского древнего языка. И вот эти патриоты родного норвежского языка, они там издают свои газеты, у них там свое общество есть. Они мне присылали книги, я одну книгу перевел кому-то, не знаю, издали этот перевод или нет. Потом я ездил в Норвегию, мой друг по переписке водил меня к себе в издательство и показывал, как работает компьютер. Я пытался научиться работать на компьютере, но у меня не получалось, и я бросил это дело, слишком трудно. Таким образом я не смог вовремя освоить компьютер. А вы сами знаете, в наше время без компьютера никуда. Без него невозможно с иностранными друзьями переписываться – все теперь делается по электронной почте, все через интернет. Да и переводчик без компьютера – это ничто. Это вот самая главная моя проблема, что у меня нет компьютера. Так сложилась моя судьба. Кажется, я ответил на все ваши вопросы?

- Да.
- Ну, посмотрим, что из этого выйдет. Если ничего не выйдет – ну и ничего.

По тону слышно, что Пузатов хочет закончить разговор. За окном стемнело, и он переживает, как журналистка будет по темноте домой добираться. «Маршрутки идут», – отвечает девушка. «Они молодые, им ничего не страшно!» – комментирует Лидия Алексеевна.

Стрингер присылает мне номер мобильного телефона Пузатова с пометкой: звонить только по пятницам во второй половине дня. «А почему, он не сказал?» – «Нет, я даже спрашивать не стала».

Всю чертову неделю я думаю о Пузатове. Рассматриваю его фотографию. Он похож на фермера с картины Гранта Вуда «Американская готика», только не такой суровый. Я думаю о том, что Шпак, Щербаков и Пузатов в истории с «Рабыней Изаурой» – как три брата из русских сказок – со всеми вытекающими.

Мне грустно. Мне нравится Пузатов. Мне жаль, что он бедствует и всеми забыт. Я вспоминаю своего дядю, младшего папиного брата, который бросил жену с детьми в Казахстане, приехал в Лысково, спился, пошел ночью зимой на могилу родителей, плакал там, плакал, упал, заснул, отморозил ноги. Ноги ампутировали, дядю поместили в дом инвалидов, где он вскорее и умер. Я ни разу к нему не пришла.

Имею ли я право теперь говорить, что мне жалко Пузатова?

Надо собрать ему денег на компьютер.

Я читаю отборные астраханские новости на сайте «Арбуз». Астраханцы слегка скучают по 90-м годам, но не сильно: этот город занял почетное 13-е место в списке скучающих по 90-м годам, составленных независимым исследовательским агентством Zoom Market. Ранее Астрахань заняла первое место в списке городов, которые предпочитают котиков всем остальным домашним животным.

Астраханские вандалы украли половину велосипеда у памятника счастливому детству. Индекс счастья жителей России опустился на минимальный уровень за все последнее время. В Астраханской области общественники предложили создать Министерство счастья.

Астраханец бесследно исчез из своей лодки посередине реки. Астраханку осудили на полгода за брошенный в человека кусок сала. Астраханским пенсионерам помогут стать блогерами на курсах «Все в Сеть».

Может, и не надо собирать Пузатову деньги на компьютер. Живет человек в неведении, и пусть себе живет. Новости фиг с ним, а вот соцсети могут его убить.

Я включаю фильм «Джокер» (2019). Дохожу до момента, когда Артур Флек обвиняет ведущего комедийного шоу в том, что тот пригласил его, чтобы посмеяться, и пускает ему пулю в лоб.

Пожалуй, я не буду звонить Пузатову.

Я ложусь спать, засыпаю, и мне снится отец.

Трясущимися руками отец шарит по шкафам в поисках бутылки. Останавливается. Мутные голубые глаза яснее – догадался, куда я спрятала записку. Отец кидается к черному пианино, отмыкает нижнюю крышку и, достав свое сокровище из-под pedalных цуг, шутит: «Спирт “Рояль”!» «Не смешно, – говорю я, – сядь!» Отец послушно садится на диван. Я продолжаю: «Ты умер в сорок восемь лет. А сколько хотел бы прожить?» Отец фыркает, мол, чего ерунду спрашиваю. Молчит, уставившись куда-то вбок, потом отвечает: «Еще столько же!» «Вот! – говорю. – Давай сядем и разработаем план, чем ты займешься в эти годы, какие у тебя цели, мечты. И что надо сделать, чтобы осуществить задуманное». Отец ставит бутылку на стол: «Первым делом – не пить!» – «Правильно!» Мы берем ватман и чертим какие-то графики. На этом коучинг для мертвых заканчивается.

В общем-то, сон не такой уж и странный, и я знаю, откуда он взялся. Кажется, это Лев Тол-

стой говорил, что «страх смерти есть не страх смерти, а ложной жизни?» На днях я смотрела ролик на «Ютубе» о танатофобии, где психолог советовал сделать такое упражнение. Подумать, в каком возрасте и с каким чувством вы хотите умереть, а затем поделить ту жизнь, которая вам осталась, на равные промежутки времени и расписать, чем вам нужно заниматься, каким надо быть на каждом этапе, чтобы прожить вашу истинную жизнь и в итоге скончаться с желаемой эмоцией. Это все понятно. Но почему я планирую жизнь мертвого? Почему я до сих пор верю, что Пузатого носят, чтобы расколдовать?

Наступает пятница. Я звоню Пузатову.

- Владимир Леонидович, здравствуйте!
- Здравствуйте!
- Меня зовут Юлия. К вам неделю назад приходила журналистка, она дала мне ваш телефон, сказала, что вам можно позвонить в пятницу после обеда. Я бы хотела задать вам еще несколько вопросов о вашем творчестве. Мы можем поговорить?
- А что нужно для этого? Организовать встречу?
- Нет, я не в Астрахани, я в Москве. Мы можем сейчас поговорить по телефону? Я подготовила несколько вопросов.
- Хорошо, я согласен.
- Спасибо. Дело в том, что я нашла ваш перевод «Рабыни Изауры» и написала об этом статью в интернете. После чего было очень много откликов. Людям понравился ваш перевод, некоторые просто восхищены им и хотели бы узнать о вас больше. Мой первый вопрос такой. Вы читали какие-то другие произведения Бернардо Гимараенса? Знакомы с его творчеством? Читали готическую новеллу «Пляска костей»?
- Я буду с вами откровенен. «Рабыня Изаура» – это было первое и последнее произведение, которое я у него прочел. Другое я у него не читал.
- А кто ваши любимые писатели?
- Даниил Андреев. У него есть такое произведение мистическое – «Роза мира». Самое любимое мое произведение о космогонии.
- А вы мечтали когда-нибудь стать писателем? Именно писателем, а не переводчиком?
- Да, я бы хотел писать на мистические темы. Это ближе мне к сердцу, к моей душе.
- Ваш перевод «Рабыни Изауры» очень авторский. Вы многое добавили от себя. Какую цель вы перед собой ставили? Какого художественного эффекта стремились достичь?

- Когда я читал роман Гимараенса, он показался мне серым. Я хотел сделать его ярче, чтобы увлечь читателя.
- Некоторые считают, что ваш перевод – это пародия, что вы специально решили поиздеваться над вычурным стилем. Что вы скажете по этому поводу?
- На вкус и цвет товарищей нет. Каждый человек видит и понимает по-своему.
- Другие читатели считают, что вы решили стилизовать современный перевод под перевод XIX века.
- Да, именно об этом я хотел сказать. Это стилизация.
- Многие благодарят вас за потрясающий юмор. Месяц, подобно резинке на штанах не тянувшийся до бесконечности, вообще всех покорило. Вы любите пошутить?
- Есть такое поверье в индийской философии, что Бог любит игру. Бог играет. Игра – это всегда шутка, веселье. Бог играет в своих воплощениях, и мы, подражая ему, играем в своих воплощениях. Это включает и шутку, и танец, и все такое. Веселье и юмор не исключается для человека, который стремится к Богу.
- Как вы сами оцениваете свой перевод «Изауры»? Вы довольны результатом?
- Вначале мне казалось, что я сделал все ужасно, но теперь, когда вы говорите, что многие высоко оценили, я очень рад, значит, все хорошо получилось. От добра добра не ищут.
- Имя Юрия Щербакова вам о чем-то говорит?
- Да, это астраханский писатель.
- Это он помог вам издать «Рабыню Изауру»?
- Да, кажется, это он.
- Вы сказали, что сделали перевод, когда на экраны вышел сериал, то есть не раньше 1988 года, а Щербаков сказал, что вы принесли ему рукопись раньше, где-то в 1985-м.
- Честно говоря, я не помню, может быть, он и прав.
- А фамилия Шпак вам о чем-то говорит? С Владимиром Шпаком вы были знакомы?
- Нет. Не припомню.
- А это правда, что вы переводили Библию на разные языки мира? Я нашла в интернете информацию о том, что ваши переводы Библии хранятся в Астраханской областной библиотеке.
- Нет, я Библию не переводил. Я подарил библиотеке издания Библии на разных языках мира. Там что-то напутали.
- Вы сказали, что ваша главная беда сейчас – это то, что вы не смогли освоить компьютер. Почему для вас это так сложно?
- Я не смог научиться. Облом такой. Ничего не понял. И у меня появилась своего рода фобия. Не знаю, может, это какой-то рок, судьба. Я пока не знаю ничего. Дальше будет видно.
- А если сейчас у вас бы появился компьютер, вы бы смогли его освоить? Хотели бы научиться пользоваться интернетом?
- Само собой, я бы хотел. Весь вопрос в деньгах. При моей пенсии жалкой я не могу позволить себе ничего. Если бы появилась такая возможность, я бы не отказался. А пока все упирается в финансы.
- А как ваше здоровье?
- Я читал очень много литературы теософской и мистической, типа аюрведы и прочее. Я многое понял и научился управлять своим здоровьем, мне это как-то удается с помощью голодания и прочего. Так что я думаю, что у меня со здоровьем все не очень плохо, более или менее.
- Чем вы занимаетесь сейчас, помимо английского и французского языка?
- Я много медитирую, у меня есть диски красивые с космическим... Но это такие вещи мистические, вашим читателям было бы не очень удобно о них читать. Еще я смотрю мистические сериалы по телевизору и занимаюсь языками, которые существуют в космосе, но на Земле их нет. Языками, на которых говорят на других планетах. Я изучаю эту проблему.
- Это интересно. Расскажите?
- Мне бы не хотелось об этом говорить. Дело в том, что тема инопланетян в России, да и во всем мире, табуирована. И людей, говорящих об этом, их считают немного «ку-ку». Поэтому я немного опасаясь говорить на эту тему – про инопланетян. Есть много людей с предвзятым мнением.
- Я понимаю ваши опасения, поэтому не настаиваю. Ваша мама ходит в церковь, а вы ходите?
- Хожу, конечно. Это очень важное и для физического, и для душевного здоровья дело. Это крайне важно.
- Вы верите в Бога?
- Да, я верю. У меня своя вера. У каждого человека своя вера, каждый человек – это неповторимая индивидуальность, у каждого своя вера. У каждого свой духовный опыт. У Даниила Андреева свой духовный опыт, у других – свой. На основе этого духовного опыта каждый строит свою жизнь. Так и православные, например.
- Как вы думаете, есть ли жизнь после смерти?
- На мой взгляд, существует реинкарнация. Реинкарнация – это не только вера индусов, но и, насколько я знаю, уже научный факт. Жизнь

